

Фредерик Марриет

Приключения Виоле в Калифорнии и Техасе

Фредерик Марриет

**Приключения Виоле в
Калифорнии и Техасе**

«Public Domain»

1843

Марриет Ф.

Приключения Виоле в Калифорнии и Техасе / Ф. Марриет —
«Public Domain», 1843

«Революция 1830 года, низвергнувшая Карла X с французского престола, повлекла за собой, подобно всем великим и внезапным переворотам, разорение многих частных лиц, особливо старинных фамилий, не желавших бросить в беде изгнанного монарха. В числе немногих, которым было позволено разделить его участь, оказался и мой отец, бургундский дворянин, последовавший за ним в изгнание, взяв с собой и меня, в то время девятилетнего мальчика...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	12
Глава V	15
Глава VI	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Фредерик Марриет

Приключения Виоле в Калифорнии и Техасе

Глава I

Революция 1830 года, низвергнувшая Карла X с французского престола, повлекла за собой, подобно всем великим и внезапным переворотам, разорение многих частных лиц, особенно старинных фамилий, не желавших бросить в беде изгнанного монарха. В числе немногих, которым было позволено разделить его участь, оказался и мой отец, бургундский дворянин, последовавший за ним в изгнание, взяв с собой и меня, в то время девятилетнего мальчика.

Когда его злополучный повелитель после непродолжительного пребывания в Эдинбурге переехал в Прагу, где и поселился окончательно, мой отец попытался рассеять тоску по родине путешествиями. Несмотря на свое малолетство, я сопровождал его. В течение трех лет мы побывали в Италии, Сицилии, Греции, Турции, Египте и Святой Земле, а затем вернулись в Италию, где двенадцати лет от роду я был помещен в Школу пропаганды в Рим. Для изгнанника, страстно привязанного к своей родине, не может быть покоя. Не имея возможности вернуться в свою возлюбленную Францию, мой отец не находил убежища, где бы мог забыть свою тоску, и продолжал путешествовать, нигде не останавливаясь надолго, гонимый своей печалью. Вскоре после моего помещения в школу он встретился с одним старым приятелем, другом детства, которого не видал уже много лет. Этот друг, итальянец, князь Серавалле, также выпил до дна чашу скорби. В молодости, глубоко чувствуя моральный и политический упадок своей родины, он стал во главе заговора, имевшего целью путем государственного переворота восстановить ее прежнее величие, но был выдан предателем и заключен в замок Святого Ангела.

Не знаю, сколько времени он провел в темнице, – должно быть, много лет, потому что впоследствии все его воспоминания о прошлой жизни почти неизменно сопровождались словами: «когда я сидел в тюрьме».

Наконец, он был освобожден, но заключение не изменило его чувств и взглядов. Любовь к родине и желание ее возрождения, столь же сильные, как раньше, скоро поставили его во главе карбонариев, партии, которую позднее так прославили мужество и страдания Марончелли, Сильвио Пеллико и многих других.

Князь был снова арестован, но на этот раз избавился от тюрьмы. Правительство к этому времени ослабело, а мнения и щедрость Серавалле доставили ему такую популярность, что оно не решилось ни заключить его в темницу, ни казнить. Он был приговорен к изгнанию на десять (кажется) лет.

В течение своего долгого изгнания князь Серавалле странствовал в дальних краях и, наконец, очутился в Мексике. Тут он познакомился с шошонами, или Змеиными Индейцами, занимавшими обширную территорию, простиравшуюся от берега Тихого океана почти до подошвы Скалистых гор. Ему полюбились обычаи, образ жизни и врожденное благородство этого индейского племени, и он прожил у них довольно долго; когда же срок его ссылки истек, он решил вернуться на родину, превратить в деньги свое состояние и, вернувшись к шошонам, употребить его на их пользу и преуспевание.

Быть может, и другое, еще более сильное чувство побуждало князя Серавалле вернуться к индейцам, с которыми он прожил так долго. Я имею в виду то чарующее действие, которое дикая жизнь оказывает на цивилизованного человека, когда он убедился, сколько пустоты и бессердечия скрывается под нашей утонченностью.

Не было еще случая, чтобы индеец, воспитанный в школе среди удовольствий и роскоши большого города, пожелал остаться с бледнолицыми, тогда как наоборот, тысячи белых из всех слоев цивилизованного общества, от высшего до низших, осваивались с жизнью дикарей, оставались с ними и умирали в их среде, хотя могли бы, нажив богатство, вернуться на родину.

Мой отец возобновил свою старую дружбу – дружбу ранних лет, настолько прочную, что ее не могла ослабить разница политических убеждений – вскоре по возвращении князя в Италию. Князь был тогда в Ливорно; он купил корабль, нагрузил его разными приспособлениями для земледелия и домашнего хозяйства; приобрел несколько старых артиллерийских орудий, большой запас лежских карабинов, пороха и проч.; материалы для постройки хорошего дома и кое-какие предметы украшения и роскоши. Все его крупное состояние пошло на это снаряжение. Он нанял также каменщиков, кузнецов и плотников, и с ним должны были отправиться несколько его бывших арендаторов, умевших разводить виноград и масличное дерево.

Осенью 1833 г., уже почти закончив приготовления к экспедиции, он встретился с моим отцом, рассказал ему о своих приключениях и планах и предложил отправиться с ним. Отец, усталый и разочарованный, охотно принял это предложение. Он решил рискнуть остатками своего состояния, заключавшимися в деньгах и драгоценностях, и отправиться с принцем. Были сделаны кое-какие дополнения к грузу и экипажу.

Двое священников были уже приглашены в качестве миссионеров. Заботясь о моем образовании отец захватил с собой большой запас книг и уплатил значительную сумму приору доминиканского монастыря с тем, чтобы он разрешил отправиться с нами одному достойному человеку, который мог бы быть моим воспитателем. Священники, оказавшиеся таким образом на судне, были опытные путешественники, уже проповедовавшие религию Христа в Тибете и Бирманской Империи.

Наконец, все было готово. Меня взяли из училища, запас вина и т. п. был уложен в качестве последнего груза, и «Эсмеральда» пустилась в свое дальнейшее и далеко не безопасное плавание.

Глава II

Я был еще очень молод – мне еще не исполнилось четырнадцати лет, но я уже много путешествовал и приобрел не мало знаний, которые могут быть приобретены посредством наблюдения, – быть может, лучший способ обучения в ранние годы. Не буду описывать скучного плавания среди безграничной пустыни неба и моря. Насколько помню, мы ни разу не подвергались какой-либо серьезной опасности, и плавание, в общем, могло назваться благополучным.

Спустя пять месяцев мы не без труда вошли в устье реки, впадающей в Тринити-Бай, под 41° сев. широты и 128°28' зап. долготы.

Мы стали на якорь в четырех милях от моря, у берега территории шошонов. В течение нескольких недель берег представлял странную и оживленную сцену. Во время своего пребывания у шошонов князь Серавалле был принят в их племя в качестве воина и вождя, и теперь индейцы стекались изнутри страны приветствовать бледнолицего вождя, не забывшего своих краснокожих детей. Они помогли нам разгрузить корабль, нанесли всякого рода дичи и под руководством плотника живо выстроили просторный сарай, куда можно было сложить припасы и орудия для защиты от непогоды.

Как только груз был пристроен к месту, князь и мой отец в сопровождении вождей старейшин племени предприняли экскурсию с целью выбрать место для поселения. Спустя три недели они вернулись; место было выбрано на западном берегу реки Буонавентура, у подошвы высокой круглой горы вулканического происхождения, судя по отвердевшей лаве и налету серы. По берегам реки росли высокие деревья, известняк был под рукой, нашлась и глина, давшая кирпичи превосходного качества.

Испанцы, побывавшие здесь раньше нас, дали этой горе название Сан-Сальвадор; а наш поселок мы называли индейским именем князя: «Напава ашта юэри е», или: «Жилище Великого Воина». Так как место нашего жилища было стоянкой индейцев во время рыболовного сезона, то решено было построить склад для рыбы и пристань, и в течение шести или семи месяцев кипела деятельность, когда неожиданное происшествие омрачило наше существование.

Хотя страна эта изобилует скотом, и некоторые другие племена, о которых будет речь ниже, обладают большими стадами, но у шошонов скота не было. В самом деле, страна так изобилует дичью, что без него можно было обойтись. Но князю хотелось ввести у индейцев земледелие и более оседлый образ жизни, для чего необходимо было и скотоводство. Итак, он отправил «Эсмеральду» закупить скот в Монтерэ или Санта-Барбаре. Но корабль пропал без вести, а позднее мы узнали от испанцев, что обломки какого-то судна были замечены у мыса Мендосино. Естественно было предполагать в них остатки злополучного брига, потерпевшего крушение.

Вся команда корабля, состоявшая из капитана и 12 человек, в числе которых находился и младший из миссионеров Джузеппе Полидори, погибла. Но как ни тяжка была эта потеря, она не убила нашей энергии. Была расчищена земля под поля, устроен огород, и тяжелое впечатление понемногу изгладилось под влиянием надежд на будущее благополучие.

Между тем мое образование продолжалось под руководством миссионеров. Я изучал всеобщую историю, латинский и греческий языки, также новые языки и историю древних народов Востока: последнее ввиду развалин и памятников Центральной и Южной Америки, происхождение которых интересовало моих учителей.

Практическая часть моего воспитания, была поручена индейцам. Под руководством одного знаменитого старого воина я научился стрелять из лука, владеть томагавком и ружьем, метать лассо, укрощать самого дикого коня; а при случае участвовал в рыболовных и охотничьих экскурсиях индейцев.

Так прошло три года; наша колония расширяла свои поля и не теряла надежды приучить шошонов к более культурному образу жизни.

Но тут на князя обрушился новый удар, окончательно погубивший все его надежды. После гибели корабля в нашей колонии осталось восемь человек, кроме миссионеров и нас самих; и вот князь, оставив дома только старого слугу моего отца, решил отправить остальных за покупкой скота, в котором мы по-прежнему нуждались.

Они отправились – и не вернулись. По всей вероятности они были убиты индейцами апачами, но возможно и то, что утомленные нашим простым и однообразным образом жизни они предпочли остаться в мексиканских городах.

Эта вторая катастрофа разрушила все планы князя. До сих пор работы на ферме велись индейскими женщинами и молодыми людьми под руководством белых, и хотя занятия этого рода были не по душе индейцам, но князь надеялся, что мало-помалу они освоятся с ними и примутся возделывать землю для себя самих. Раньше, до нашего прибытия, зима всегда была временем тяжелых лишений для той части индейцев, которой не особенно везло на охоте; теперь же картофель, маис и другие продукты имелись в изобилии, по крайней мере для тех, которые жили по соседству с колонией. Можно было рассчитывать, что выгода такого положения вещей пересилит неохоту к земледельческому труду. Но теперь, когда мы потеряли всех белых работников, эта надежда лопнула: мы скоро убедились, что индейцы решительно уклоняются от работы.

Огорченные этой неудачей, князь и мой отец решили обратиться ко всему племени и попытаться убедить его, что оно будет гораздо счастливее, если займется земледелием. Был устроен пир, приглашены вожди, трубка мира обошла собрание; а затем князь встал и обратился к вождям с речью. Так как я незадолго до того был признан вождем и воином, то, разумеется, присутствовал на собрании. Князь сказал:

– Хотите ли вы стать самым могущественным народом Запада? Конечно, хотите. Если так, то вам следует искать помощи у земли, вашей матери. Правда, ваши прерии изобилуют дичью, но сквау и дети не могут следовать за вами по охотничьей тропе.

Разве кровы, баннаксасы, Плоские Головы и умбиквисы не голодают зимой? У них нет буйволов и мало дичи. Что же им есть? Отощалую лошадь, редко медведя да вонючее мясо выдры или бобра, которых им удастся случайно поймать.

Не было ли бы для них счастьем обменивать свои меха на маис, табак и сушеную рыбу шошонов? Теперь они продают свои меха янки, но янки не привозят им пищи. Плоские Головы получают от торговцев огненную воду и одеяла, но берут их только потому, что больше нечего взять.

Если б у шошонов были маис и табак для обмена на меха, они разбогатели бы. Они могли бы получить лучшие седла из Мексико, лучшие ружья от янки, лучшие томагавки и одеяла от канадцев. Кто мог бы тогда сопротивляться шошонам? Стоило бы им выйти на охоту, и другие племена очищали бы для них лесную тропу и вырывали бы руками траву на их степной тропе. Я сказал.

Все индейцы признали эту речь хорошей и полной мудрости, но были слишком горды, чтобы отвечать. Один старый вождь ответил за все племя:

– Нанава Асита – великий вождь: он храбр! Маниту говорит ласково его ушам, открывает ему тайну, которая делает сердце воина смелым или робким; но Нанава бледнолицый, его кровь – чуждая кровь, хотя сердце его всегда с его краснокожими братьями. Только белый Маниту говорит с ним, но как может белый Маниту знать натуру индейцев? Он не создавал их; он не призывает их к себе; он ничего не дает им; он оставляет их бедными и несчастными; он все отдает бледнолицым.

Конечно, он должен так делать. Пантера не станет кормить детенышей лани, и сокол не станет высиживать яйца голубки. Такова жизнь, таков порядок, такова природа. Маис хорош;

табак хорош, он веселит сердце старика, когда его угнетает скорбь; табак подарок вождей вождям. Калюмет говорит о войне и смерти; он же говорит о мире и дружбе. Маниту создал табак для человека – он хорош.

– Но табак и маис нужно добывать из земли; их нужно ждать много лун, за ними нужно ходить, как за детьми. Эта работа годится только для сквау и рабов. Шошоны – воины и свободные люди; если они станут рыться в земле, их зрение ослабеет, и враги их станут называть их кротоми и барсуками.

Неужели справедливый Нанава желает, чтобы шошоны стали посмешищем в глазах кротов или наездников юга? Нет, он сражался вместе с ними, прежде чем уехал посмотреть, целы ли кости его отцов; а со времени своего возвращения разве не дает он им ружья и порох, и большие сети для ловли лососей, и железо, чтобы их стрелы были страшны для буйволов и умбиквисов?

Нанава говорит хорошо, потому что он любит своих детей, но дух, который внушает ему речи, бледнолицый дух; он не может заглянуть под кожу красного воина – она слишком плотна, ни в его кровь – она слишком темна.

Но табак хорош, и маис тоже. Охотники Плоских Голов и Проколотых Носов пришли бы за ними зимою; их меха согрели бы жилище шошонов. И мой народ мог бы сделаться богатым, мог бы сделаться повелителем всей страны, от соленых вод до высоких гор. Так становятся богатыми и сильными бледнолицые: они возделывают маис, табак и сладкие дыни; сажают деревья, которые дают им смоквы и персики; откармливают свиней и гусей и приручают буйволов. Они великий народ.

Краснокожий воин только воин; он силен, но беден; он не сурок, не барсук, не луговая собака; он не может рыть землю; он воин и ничего больше. Я сказал.

Конечно, содержание этой речи так гармонизировало с понятиями индейцев, что было принято с восторгом. Результат совещания убедил князя в тщете его надежд. Он покорился судьбе и решил другими средствами добиваться своей цели – просвещения этих благородных по натуре, но диких людей.

Глава III

Эта неудача нашего земледельческого предприятия произошла в 1838 году. До тех пор я проводил время в обществе моих цивилизованных и нецивилизованных наставников. Но, хотя и не лишенный образования, я был индейцем не только по костюму, но и в душе.

Я упомянул выше, что присутствовал на совете, созванном князем, так как был уже признан вождем, имея семнадцать лет от роду. Это произошло следующим образом. Когда мы узнали об убийстве или исчезновении семи человек, посланных за скотом в Монтерэ, по их следам была послана партия с целью удостовериться, что случилось в действительности, и по моей просьбе мне было поручено начальство над нею.

Мы переправились через Буонавентуру и проследили путь наших людей на протяжении двухсот миль, но затем потеряли след; мало того, наш небольшой отряд в пятнадцать человек был окружен нашими заклятыми врагами – кровами в количестве около восьмидесяти душ.

Посредством хитрости нам удалось не только уйти от них, но и захватить в плен семерых. Мои спутники хотели умертвить их, но я не допустил этого. Мы вели их с собою на их же лошадях и спешили изо всех сил; однако кровы выследили нас и пустились за нами в погоню.

Нам предстояло в течение пятнадцати дней уходить от всемеро или ввосьмеро сильнейшего врага, преследовавшего нас по пятам. Различные уловки, о которых я не стану распространяться, и хорошее состояние наших лошадей помогли нам ускользнуть от них и благополучно доставить пленных в поселок. Хотя до битвы не доходило, но ловкость тоже высоко ценится. Поэтому я был объявлен по возвращении вождем под именем Овата Ваниша, или «дух бобра», соответственно моей хитрости и ловкости. Чтоб получить звание военного вождя, было, безусловно, необходимо отличиться на поле битвы.

Прежде чем продолжать мой рассказ, сообщу о миссионерах, моих наставниках. Один из них, младший, Полидори, погиб на «Эсмеральде», когда она отправилась в Монтерэ за скотом. Другие двое были падре Марини и падре Антонио. Оба обладали обширными сведениями и основательной эрудицией. Их познания в азиатском фольклоре были громадны, и я с величайшим интересом ознакомился с их изысканиями и теориями, относившимися к древним переселениям азиатов через Тихий океан.

Оба они провели большую часть своей жизни среди азиатских народов к востоку от Ганга, а под старость вернулись в Италию умереть в том месте, где играли детьми, но встретились с князем Серавалле и решили, что их долг отправиться с ним к дикарям, не знающим Бога, для просвещения их.

Однако их усилия обратить шошонов остались безуспешными. Краснокожие, если они не испытывают страданий или угнетения, неохотно слушают «медовые речи бледнолицых»; а если и слушают, то оспаривают каждый догмат, каждый пункт и остаются при своем. Поэтому миссионеры, в конце концов, удовольствовались делами милосердия, помощью больным, которую могли оказать благодаря своим медицинским и хирургическим познаниям, и моральными наставлениями, стараясь смягчить дикие и подчас свирепые нравы индейцев.

Здесь кстати скажу несколько слов о шошонах или Змеиных Индейцах. Это храбрый и многочисленный народ, занимающий обширную и прекрасную область на протяжении 540 миль с востока на запад и 300 миль с севера на юг. Она отличается плодородной почвой, поросшей густой, высокой травой; на этих естественных пастбищах пасутся бесчисленные стада буйволов и диких лошадей; но и лесов в ней немало, главным образом по берегам рек и в лощинах.

Судя по их преданиям, шошоны народ азиатского происхождения; они родственны команчам, аррапагосам и апачам – бедуинам мексиканских пустынь. Все эти племена говорят одним и тем же звучным и гармоническим языком. Что касается нравов и обычаев шошонов, то с ними читатель ознакомится постепенно в течение этого рассказа.

Потерпев неудачу в своих попытках обращения этого народа, один из наших миссионеров, падре Марини, решил переселиться в какой-нибудь испанский город в Калифорнии в надежде оказаться там полезным. Поэтому он сопровождал меня в моей поездке в Монтерэ, о которой я сейчас расскажу. В Монтерэ мы расстались, и с тех пор я не видал его и не слышал о нем. Мне, впрочем, еще придется упоминать о нем при описании этой поездки.

Другой миссионер, падре Антонио, умер в нашем поселке еще до моего отъезда в Монтерэ, и индейцы до сих пор хранят его рясу, требник и распятие на память о добром человеке. Бедный падре Антонио! Мне хотелось бы знать его предыдущую жизнь. Печать глубокой меланхолии лежала на его лице, как свидетельство какой-то тяжелой сердечной боли, которую даже религия не могла утолить.

После его смерти я рассматривал требник. Белые листы в начале и конце были исписаны; кроме благочестивых размышлений, я нашел здесь несколько слов, которые при всей своей краткости много говорили об одном периоде его прежней жизни. В самом начале стояло: «*Julia, obiit A. D. 1799. Virgo purissima, Maris Stella. Ora pro me*». На следующей странице было написано: «*Antonio de Campestrina, Convient. Dominicum in Roma, A. D. 1800*».

Итак, он поступил в монастырь по смерти любимой особы – быть может, первой и единственной любви его. Бедняга, сколько раз я замечал слезы, катившиеся по его изможденным щекам. Но он умер и успокоился.

Князь Серавалле еще не отказался от своих планов; не успев убедить шошонов, он, по совету моего отца, решил попытаться нанять несколько человек мексиканцев и канадцев для продолжения земледельческих работ, так как, замечу мимоходом, оба они – князь и мой отец – давно уже решили жить и умереть среди индейцев.

Эта экспедиция была поручена мне. Предстояло продолжительное путешествие. Если бы мне не удалось найти людей в Монтерэ, я должен был отправиться в Санта-Фе либо с партией индейцев-апачей, которые всегда жили в мире с шошонами, либо с каким-нибудь мексиканским караваном.

В Санта-Фе всегда было много французов и канадцев, которые ежегодно являлись из С.-Луи наниматься на службу в Меховые компании; так что можно было рассчитывать найти людей. Если бы, однако, моя попытка и там оказалась тщетной, то я должен был проследовать дальше с какой-нибудь партией торговцев, возвращающихся в Сан-Луи, продать там несколько драгоценностей, нанять людей, составить сильный караван и вернуться в колонию по Асторийской дороге.

Глава IV

Когда все было готово к отъезду, я получил окончательные инструкции и письмо к губернатору Монтерэ, а в придачу тяжелый кошелек с дублонами, на путевые расходы. Я простился с князем и отцом, уселся с шестью индейцами и падре Марини в длинный челн и вскоре, уносимый течением Буонавентуры, потерял из вида наш уединенный поселок.

Нам предстояло плыть по реке до южных озер Буонавентура, где я должен был отпустить наших индейцев и присоединиться к партии метисов-вашинангов, возвращавшихся в Монтерэ с дикими лошадьми, которых они наловили в прериях.

Поездка была прекрасная, в самом начале весны; берега реки были окаймлены вечно-зелеными деревьями, за ними расстилались роскошные луга, на которых паслись громадные стада буйволов и мустангов. Иногда какой-нибудь благородный скакун с развевающейся гривой отделялся от стада и мчался к берегу, как будто желая удостовериться в наших намерениях. Удовлетворив свое любопытство, он медленно возвращался к стаду, часто поворачивая голову и провожая нас взглядом, как будто не вполне уверенный в нашей безобидности.

На третью ночь мы остановились у подножия обелиска, среди величественных развалин. Это место считается священным у шошонов. Их предания рассказывают о каком-то другом народе, жившем здесь раньше, который они оттеснили к югу. Мы провели здесь весь следующий день, так как падре Марини хотел поискать каких-нибудь иероглифов или фигур, которые могли бы бросить свет на происхождение развалин; но поиски оказались безуспешными, а оставаться дольше мы не могли, чтоб не разойтись с охотниками на лошадей. Итак, мы снова пустились в путь и спустя четверо суток были на южном берегу озера С. -Яго.

Мы явились вовремя, отпустили наших индейцев, купили двух превосходных мулов и продолжали путешествие в обществе охотников за лошадьми, с их пленниками числом более сотни, громко жаловавшимися на свою судьбу и лягавши все, до чего могли достать копытом. Несмотря на это буйное поведение, затруднявшее путешествие, мы на шестой вечер прибыли в Монтерэ.

Мои приключения, как увидит читатель, начались собственно с этого путешествия, и я считаю нелишним заметить, что в это время мне не исполнилось еще восемнадцати лет. Так как мы пользовались в нашей колонии некоторыми удобствами, то у меня сохранились, хотя и смутные, воспоминания о культурной жизни в Италии и других странах. Но я стал индейцем и до этой экспедиции вспоминал прежние сцены из моей детской жизни лишь для того, чтобы смеяться над ними.

Вероятно, такое отношение к ним вызывалось в значительной степени уверенностью в том, что я никогда больше не вернусь к этой жизни, так как с того момента, когда я узнал, что отправляюсь в Монтерэ, меня охватило величайшее волнение, и мой пульс стал биться с удвоенной силой. Не сумею сказать, чего именно я ждал, но, без сомнения, мне мерещилось нечто вроде земного рая. Монтерэ хоть и не земной рай, но все же приятный уголок. Он дышит счастьем, все в нем довольны своей судьбой, всякий поет и смеется, все время посвящено развлечениям или отдыху.

Нет в нем грязных улиц и жестких мостовых, ни фабрик с их вечной копотью, ни полицейских, ни карет и омнибусов, обдающих вас грязью, а главное, нет в нем пунктуальных деловых людей, спешащих по своим делам, пыхтя, отдуваясь и толкая всех встречных. Нет, ничего подобного не встретишь в Монтерэ.

Здесь есть залив, глубокий и синий, берега которого одеты высоким, прекрасным лесом. Есть луг, усеянный, точно пестрый ковер, нарядными дикими цветами. На нем разбросаны с сотню коттеджей, обвитых виноградом. В центре – президио, дом губернатора; по одну сторону от него изящная церковь, по другую – массивное здание монастыря. Надо всем этим небо

чистейшего голубого цвета, представляющего роскошный контраст с яркой зеленью высоких сосен и неопишуемой игрой красок и оттенков широкого горизонта прерий.

Даже собаки в Монтерэ вежливы, а лошади, которые всегда пасутся около домов, бегут к вам навстречу, как будто желая поздравить вас с приездом; дело в том, что каждый путешественник везет с собою у седла мешочек с солью, до которой они так лакомы.

Гостеприимство местных жителей не знает границ. «Да благословит вас Святая Дева, – сказал нам старик, попавшийся нам навстречу при въезде, – останавливайтесь здесь и почтите мой дом». Другой подошел и дружелюбно пожал нам руки, ласково поглядывая на нас. Третий взял наших мулов под уздцы и повел их во двор, где полдюжины хорошеньких девушек, с блестящими черными глазами и длинными тонкими пальцами, во что бы то ни стало хотели расстегнуть нам штiblеты и снять с нас шпоры.

Царственный город Калифорнии! Самое имя твое исполнено для меня поэзии, как и для всякого, кто любит честность, добродушие, простоту и *dolce ar niente*.

Несмотря на многочисленные приглашения, падре Марини поместился в монастыре, а я не захотел разлучаться с моим старым наставником.

Все было ново и приятно для меня, так как мне не было еще восемнадцати лет, а в этом возрасте предаешься мечтам и грезам о тонких талиях и хорошеньких личиках, озаренных лукавой улыбкой.

Для меня наступило веселое время. Правду сказать, кошелек с дублонами весьма содействовал этому. Спустя неделю после моего приезда, у меня было великолепное седло с серебряной отделкой, бархатные шаровары, вместо кожаных панталон, шляпа с перьями, блестящие башмаки, красный шарф, бархатная куртка и широкий плащ: неизменная, и иногда единственная одежда западных мексиканцев, зимою и летом, ночью и днем.

Я сказал, что это было веселое время, – и я пользовался им в полную сласть: танцевал, пел, ухаживал напропалую. Мой старый товарищ по путешествию, миссионер, ворчал на меня иногда, но девушки смеялись над ним, и я доказал ему, как дважды два четыре, что он ошибается.

Губернатором был генерал Моррено, старый вояка, из древнего кастильянского рода, гордый своим происхождением, гордый своими дочерьми, самим собою, своими чиновниками, решительно всем, но при всем том воплощенное благодущие и гостеприимство. Его дом был открыт для всех (т. е. для всех белых), и время проходило в нем в непрерывных празднествах, причем удовольствия сменялись удовольствиями, музыка танцами, ухаживания при помощи глаз – ухаживанием при помощи губ, как лимонад следовал за вином, а мороженое за виноградом и персиками. Но, увы, природа создала нас несовершенными, и человек должен отдыхать после удовольствий так же, как после работы. Это весьма прискорбно, потому что жизнь коротка, а время, потраченное на отдых, – потерянное время; так, по крайней мере, я думал в восемнадцать лет.

Монтерэ очень древний город; он был основан в семнадцатом веке португальскими иезуитами, учредившими здесь миссию. На смену им явились францисканцы: добродушные, снисходительные, ленивые и мягкосердечные люди, веселые, но нравственные, громившие порок и любовь, хотя налагавшие легкие эпитимии и всегда готовые дать отпущение грехов. Эти францисканцы были изгнаны мексиканским правительством, желавшим овладеть их богатством. Это было несчастьем для города, так как на место благодущных, гостеприимных и щедрых монахов явились правительственные агенты и должностные лица, которые, не имея никаких связей в Монтерэ, вовсе не заботились о благополучии жителей. Последствием было то, что калифорнийцам до смерти надоело это управление; они питали врожденную антипатию к таможенным сборщикам, а главное, не имели ни малейшего желания отдавать свои доллары на расходы по мексиканским войнам, которыми вовсе не интересовались. Однажды утром они

сорвали с президио мексиканский флаг, выгнали комиссаров и сборщиков, объявили себя независимыми от Мексико и открыли свой порт для всех наций.

В Монтерэ около трех тысяч жителей, считая метисов и индейцев, исполняющих обязанности прислуги. Население богато, и так как ему некуда тратить своих денег, как в восточных городах (все его удовольствия и развлечения почти ничего не стоят), то они любят, елико возможно, наряжать свои особы и своих лошадей. Седло ценою в сто долларов обычная вещь у богатых молодых людей, которые полагают всю свою гордость в своих конях и сбруе.

В Монтерэ постоянно развлекаются; и время быстро проходит в занятиях петушиными боями, скачками, фанданго, охотой, рыбной ловлей, катаньем на лодках и т. п. Климат замечательно здоровый, болезни совершенно неизвестны. Здесь не знают даже зубной боли, ни сплина; люди умирают только вследствие несчастных случайностей или от старости; и у монтерэйцев существует старинная поговорка: «El que quiere morir que se vaya del pueblo», что значит: «Кому хочется умереть, тот должен уехать из города».

Во время моего пребывания здесь, со мной случилось довольно опасное приключение. Я отправился с несколькими друзьями на рыболовную экскурсию ко входу в бухту, которая, замечу мимоходом, принадлежит к прекраснейшим в мире, имеет двадцать четыре мили в длину и восемнадцать в ширину. Миссионер, падре Марини, чувствуя себя не совсем здоровым, решил, что морской воздух может быть для него полезен, и присоединился к нашей компании. Мы отправились в лодках; та, в которой находились я и падре, была хорошенькая маленькая шлюпка, принадлежавшая какому-то американскому кораблю. При ней имелась пара весел и маленькая мачта с парусом.

Наша ловля оказалась очень удачной, и по окончании ее мы пристали к берегу, чтобы зажарить часть рыбы. В разговоре кто-то упомянул о древних развалинах, находившихся в пятнадцати милях к северу у устья маленькой речки. Миссионеру захотелось посмотреть их, и мы решили, что наши друзья вернутся в Монтерэ, а я и падре переночуем здесь и утром предпримем экскурсию к развалинам. Нам оставили большой каменный кувшин с водою, пару одеял и двуствольное ружье. Когда наши приятели уехали, мы привязали лодку у северного конца бухты и, выбрав место для ночлега, устроили себе нечто вроде навеса, при помощи весел, мачты и паруса, и развели огонь.

Был прекрасный, теплый вечер, какие бывают только в бухте Монтерэ; мягкий и ароматный ветерок нежно шелестел листвою вокруг нас и над нами; когда же наступила ночь с мириадами звезд и серебристой луной, миссионер пожелал мне приятного сна, и мы улеглись спать. Я лег в лодке и, вытянувшись на дне ее, долго любовался усеянным звездами небом, пока не забылся сном.

Глава V

Я проснулся от холода. Было уже светло. Я встал и осмотрелся. Я находился в открытом море, далеко от берега, очертания которого смутно рисовались в золотистом тумане утра. Веревка и кол, к которому была привязана лодка, плыли за нею по воде, и легкий ветер с берега потихоньку уносил меня в море. В первую минуту я порядком испугался: весла остались на берегу, и я не имел возможности двигать мой челнок.

Тщетно я пытался грести руками и колом, который втащил в лодку. Я только вертелся во все стороны, не подвигаясь вперед. Наконец, я стал обдумывать положение. Море было гладко и спокойно, непосредственной опасности мне не угрожало. Проснувшись утром, падре заметит мое отсутствие и, может быть, увидит лодку; он поспешит в город, но поспеет туда только к вечеру, так как он старик, а пройти нужно двадцать пять миль. За мной пошлют лодки, даже мексиканскую шкуну, стоящую в бухте. На следующее утро я наверно буду спасен, так что мне придется только провести сутки в одиночестве и посте. Это было неважно; и потому я покорился судьбе и принялся, как умел, приспособляться к обстоятельствам.

На мое счастье лодка принадлежала какому-то охотнику до рыбной ловли, и я нашел в ней различные приспособления, которых сначала не заметил: между передней банкой и носом находился полубочонок с золой, небольшой запас угля и щепок; под кормовой банкой оказался шкафчик, в котором я нашел сковородку, коробку с солью, оловянную чашку, запас листьев, употребляемых вместо чая калифорнийцами, горшок с медом и другой с медвежьим салом. К счастью, кувшин с водой остался в лодке, так же как и мои удочки. Я забросил их и закурил сигаретку. В этой стране никто не расстается с огнивом, кремнем, трутом и табаком.

Часы проходили за часами. Лов мой был удачен, я развел огонь и зажарил прекрасную макрель; но мало-помалу солнце достигло зенита и принялось палить так невыносимо, что я принужден был снять всю одежду, не исключая даже рубашки, и растянуть ее между скамьями в виде навеса. Тем временем я потерял из вида берег и только изредка замечал отдельные черные точки – верхушки огромных сосен.

Позавтракав, я решил соснуть часика два – испанское средство для облегчения пищеварения – но сам не знаю как, проспал до заката солнца, когда проснулся от каких-то вовсе неприятных толчков. Море оказалось беспокойным, волны поднимались острыми пенящимися буграми, легкий ветер сменился холодным резким западным ветром.

Утешительно было хоть то, что ветер оказался попутным. Я оделся и встал, рассчитывая, что мое тело сыграет роль небольшого паруса; как вдруг услышал крики: «Эй-эй-эй!», доносившиеся с левого борта. Я оглянулся с весьма понятным изумлением и заметил в пятидесяти ярдах от себя большую лодку, двигавшуюся по волнам на десяти веслах. Она была полна людьми, бочонками и мешками; рулевой делал мне знаки, видимо приглашая меня остановиться. Спустя несколько минут мы были рядом, и наше удивление, могу сказать, оказалось взаимным: их – при виде меня одного, без весел; мое – при виде такого жалкого зрелища. Очевидно, это была команда погибшего корабля, без сомнения испытывавшая жестокие лишения, судя по их изможденному виду.

Времени терять было нечего. Все они просили воды и указывали на горизонт, желая знать, какого направления им держаться. Я передал кувшин с водою человеку, сидевшему на руле, который казался капитаном, но этот честный малый, отлив немного в чашку, передал остальное своим товарищам, прежде чем сам прикоснулся к воде. Кувшин был галлона в два или больше, но, разумеется, быстро опустел. Я передал им жареную макрель, которую оставил себе на ужин. А они отдали ее капитану и, несмотря на его великодушные отказы, настояли на том, чтобы он съел ее немедленно. Видя это, я показал им штук девять или десять сырой рыбы и предложил зажарить ее. Но они только засмеялись: зажарить рыбу! Нет, голодные могут и

без этого обойтись. Они разделили ее по-братски, и это подкрепление, дополненное горшком меда для капитана и горшком сала для матросов, по-видимому, совсем оживило их.

Капитан и четверо людей с веслами пересели в мою лодку. В эту минуту показались звезды; я указал ту, на которую следовало править, и мы поплыли к берегу при содействии волн и попутного ветра. Капитан объяснил мне на странной смеси английского, французского, итальянского и латинского языков, что его корабль был русский бриг, плывший из Ситхи, в русской Америке, в Акапулько, в Мексике, чтобы запастись зерном, салом и спиртом, но он погиб от пожара ночью, причем люди едва успели спустить шлюпку. Провизии не удалось захватить; бочонки и мешки, попавшиеся под руку в суматохе, оказались ни к чему не нужными, так что они провели двое суток без пищи и воды, не зная, в какой стороне берег. Они заметили мой челнок за полчаса до того, как я проснулся, и сначала сочли его пустым; но когда я встал, увидел меня и окликнули в надежде, что я укажу им берег. Я, в свою очередь, объяснил, как умел, приключение, случившееся со мной, и пообещал ему всяческие блага на берегу; впрочем, я мог бы и не тратить слов: бедняга, побежденный усталостью, заснул крепким сном, как только почувствовал себя в безопасности.

На рассвете мы пристали к берегу в устье маленькой речки, поблизости от каких-то развалин. Это было то самое место, куда мы с падре собирались отправиться. По соседству паслись несколько диких лошадей; я вычистил ружье, зарядил его снова и убил одну из них; в это время истомленные усталостью и голодом люди крепко спали, растянувшись вповалку на берегу. Их было двадцать человек, считая капитана.

Я слишком долго жил с индейцами, чтобы затрудняться при подобных обстоятельствах. Солнце еще не особенно высоко поднялось на небе, когда завтрак, для которого я спек лучшую часть лошади, был готов. Потерпевшие кораблекрушение еще спали, и разбудить их оказалось нелегко. Наконец, я прибегнул к способу, который оказался вполне действительным: я воткнул шомпол в кусок дымящегося мяса, а затем стал подносить его к лицам спящих так, чтобы тот коснулся их ноздрей. Спустя две минуты они уже уплетали завтрак с энергией, в которой не было ничего сонного.

Люди были утомлены, но узнав, что могут добраться до города сегодня же, быстро приготовились к отъезду. Мы медленно плыли вдоль берега, так как солнце палило немилосердно, и гребцы изнемогали. К часу дня мы достигли моей прежней стоянки. Падре, разумеется, оставил весла, парус и одеяла. Мою шлюпку оснастили в одно мгновение, а из одеял устроили парус для большой лодки, укрепив его к мачте, сделанной из весла и длинного шеста. Когда мы огибали северный край гавани, я увидел довольно далеко в море мексиканскую шкуну и множество лодок. Без сомнения, они искали меня.

В шесть часов вечера мы высадились в Монтерэ среди приветствий сбежавшейся толпы.

Я был общим любимцем, и мое исчезновение возбудило большую тревогу; поэтому все осыпали меня вопросами. Женщины ласкали меня, некоторые даже целовали (те именно, которые были уже «не первой молодости»), и все решили единогласно, что я должен поставить полдюжины свечей Пресвятой Деве. Нашлась одна, которая плакала обо мне: именно Изабелла, хорошенькая девушка пятнадцати лет, дочь губернатора. Последний тоже обрадовался мне; он очень любил меня, потому что привык играть со мной в шахматы, и я позволял ему делать мне мат, хотя мог бы дать ему вперед ферзя и ход. Признаюсь по секрету, что эта политика была внушена мне его дочерьми, которым хотелось, чтобы я заслужил его расположение.

— Dios te ayuda, niño (помоги тебе Бог, дитя), — сказал я, что нам уже не играть больше в шахматы. — Que tonteria, andor a dormir in una barca, quando se lo podia sobre tierra firma! (Что за безумие спать в лодке, когда можно это сделать на твердой земле).

Я рассказал ему историю злополучных русских, и, несмотря на свою гордость, старик прослезился: сердце у него было предоброе. Он пригласил капитана к себе и распорядился насчет команды; но гостеприимство жителей не дожидалось приказаний, и бедняги были при-

няты так радушно и приветливо, что вскоре забыли об опасностях, которым подвергались. Пятнадцать дней спустя они были отправлены на шкуне в гавань Сан-Франциско, куда только что прибыл русский военный бриг, направлявшийся в Ситху.

Веселая ночь последовала за моим возвращением. Стреляли из ружей, подняли флаги, чтобы вернуть посланные за мною лодки, а в десять часов вечера все население веселилось на лугу, развлекались танцами, пением, шел пир горой, точно нам последний раз оставалось повеселиться на этом свете.

Так прошли четыре недели, и к стыду своему, я должен сознаться, что умышленно пропустил два случая отправиться в Санта-Фе. Как бы то ни было, однажды утром все мои мечты о дальнейших удовольствиях рассеялись. Я думал о своем первом объяснении в любви, когда явился наш старый слуга с четырьмя индейцами. Он оставил колонию неделю тому назад и почти весь путь сделал водою. Мой отец послал его вернуть меня домой, если я еще не уехал из Монтерэ. Он привез ошеломляющие известия: князь был убит кровами; шошоны отправились в военную экспедицию с целью отомстить за его смерть; а мой отец, силы которого убывали с каждым днем, надеялся вскоре соединиться со своим другом в лучшем мире. Бедняжка Изабелла! Мне бы следовало прибавить: бедный я! Но роковые известия так взволновали меня, что я забыл и думать об удовольствиях и любви. Священный долг требовал моего немедленного возвращения; кроме того, шошоны ожидали моих первых военных подвигов. Старик губернатор решил, что с моей стороны благоразумнее вернуться морем, так как индейцы аррапаги были теперь во вражде с шошонами и могли бы отрезать мне путь на суше. Перед отъездом ко мне вошел один ирландец, молодой малый по имени Рох, веселый, живой и деятельный. Он дезертировал с американского корабля и, несмотря на обещанную награду в сорок долларов, не был пойман, так что корабль ушел без него.

Генерал Моррено рассердился было на этого молодца и хотел посадить его в тюрьму, но Рох сумел так драматически изобразить гонения, которым он подвергался на корабле за свою католическую веру, что духовенство, да и весь Монтерэ вступились за него. Вскоре он оказался весьма ценным приобретением для общины: он был неутомимый танцор и хорошо играл на скрипке. Кроме того, он уже освоился с мексиканскими обычаями и языком и отличался на охоте за буйволами и дикими лошадьми. В конце концов его все полюбили, и он сделался бы богатым и счастливым, если бы поселился здесь. К несчастью для него, страсть к приключениям не позволяла ему долго пользоваться покойной монтерэйской жизнью, и услышав, что имеется в виду экспедиция, в которой можно сломать себе шею, он просил меня принять его в мой отряд.

Я согласился, и мы отправились со стариком-слугою и индейцами на шкуне. Я получил множество подарков и такую гору пистолетов, пороху, ружей, ножей и шпaг, что мог бы вооружить целый легион. Губернатор, его дочери и все, кто мог поместиться в лодках, провожали меня до северного конца бухты, где я не без грусти простился с ними.

Глава VI

Переезд по морю был как нельзя более удачен. На четвертый день мы бросили якорь за четверть мили от берега близ южной оконечности горы, известной под названием Кривой Крестец. Индейцы высадились первыми в челноке, чтобы посмотреть безопасен ли берег; а под вечер шкуна уже была на пути домой, мы же рыли тайник, чтобы спрятать багаж, который не могли везти с собой. Даже мое седло было завернуто в кусок парусины и зарыто в слое глины. В числе подарков, полученных мною в Монтерэ, были два обитых жестью ящика с английским фейерверком, который впоследствии наделал чудес и спас много скальпов, когда всякая надежда на избавление казалась уже утраченной. Монтерэйцы до страсти любят эти фейерверки, и каждое торговое судно, прибывающее в Калифорнию за кожами, привозит их большой запас.

Когда все наши вещи были спрятаны, мы продолжали путь, сначала на восток, потом на северо-запад, в надежде встретить лошадей, принадлежавших нашему племени. Мы не ошиблись. На рассвете нам попало естественное пастбище, заросшее люцерной, на котором паслись сотни лошадей; но так как мы уже прошли тридцать миль, то решили отдохнуть прежде чем тронемся в дальнейший путь.

Я проспал не более часа, когда кто-то разбудил меня, дотронувшись до моего плеча. Сначала мне казалось, что это происходит во сне, но, открыв глаза, я увидел одного из моих индейцев, который приложил палец к губам, делая мне знак молчать, меж тем как глаза его были обращены к прерии. Я взглянул в том же направлении и увидел зрелище, способное разогнать всякий сон. Приблизительно в полумиле от нас группа индейцев, человек двадцать, в военном наряде, молча и спокойно вязала коней. Они не принадлежали к нашему племени; это были омбиквы, племя воров, жившее у нашей северной границы и занимавшееся главным образом кражей лошадей, в особенности, когда это не сопровождалось опасностью. В данном случае им ничто не грозило, так как шошоны отправились на войну с кровами, и они могли спокойно выбирать наших лучших коней. К счастью для нас, мы расположились на отдых в группе кустарников, на высоком и неровном месте, недоступном для четвероногих; иначе они заметили бы нас и моим приключениям наступил бы конец.

Мы разбудили наших товарищей и немедленно стали держать военный совет. Сразиться с ними мы не могли; но и предоставить им уйти с нашими лошадьми было немыслимо. Нам оставалось только следовать за ними, поджидая случая нанести решительный удар. К полудню воры наловили столько лошадей, сколько могли увести с собою; затем повернулись к нам спиной и двинулись на запад, по направлению к рыболовной станции, где мы устроили пристань и где высадились, когда прибыли из Европы.

Мы следовали за ними целый день, причем ничего не ели, кроме диких слив, растущих в прериях. Вечером, один из моих индейцев, опытный воин, решил пробраться в их лагерь, что и исполнил с успехом. По некоторым признакам, которые не могли ускользнуть от его проницательности, он догадался о плане их экспедиции. На нашей станции имелась большая парусная лодка и, кроме того, семь или восемь человек. Там хранился также в блоктаузе запас сушеной рыбы и рыболовных принадлежностей, сетей и т. п. Так как мы уже несколько лет жили в мире с соседями, то на станции не было гарнизона; только с десятков индейских семей жили по соседству с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.